

УДК 81-119



Кийченко К.И.

Коммуникативный фрагмент как единица лингвофилософского исследования

Кийченко Кирилл Игоревич, научный сотрудник кафедры философии политики и права Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: philos@inbox.ru

В статье представлен анализ ключевых положений современной лингвофилософии и постановки вопроса о бытийственном статусе языка в рамках гипотезы лингвистической относительности. Рассматриваются механизмы порождения речи как потока коммуникативных фрагментов. В данном контексте исследуется феномен текста как письменного инварианта речи.

Ключевые слова: философия текста, коммуникативный фрагмент, гипотеза лингвистической относительности; гуманитаристика; типы рациональности; неклассическая наука; ценностный подход к познанию, лингвофилософия, Л. Витгенштейн, Б. Гаспаров.

XX век в истории философии прочно ассоциируется с так называемым «языковым поворотом» и ростом интереса философов к исследованиям феномена текста, специфики создания и интерпретации текстов. Акцент в значительном количестве философских исследований и концепций смещается в сторону изучения языка не просто как инструментария для создания текстов, обслуживающего философию и человеческую деятельность в целом, но как самостоятельной, ни к чему не сводимой реальности:

«...философия все больше внимания стала уделять языковым проблемам, рассматривая язык во всем многообразии его жизни, а не только как математизированно-логическую конструкцию» [Григорьев 2001, с. 224].

Причем «языковой поворот» как культурный феномен коснулся не только философов, но во многом имел и другой источник, иной дисциплинарный центр: в первой половине XX века идет бурное развитие лингвистики, наращивается ее терминологический и методологический аппарат, накапливается обширнейший эмпирический материал. Начинается как бы встречное движение лингвистики и философии. Это сближение наиболее отчетливо проявилось в творчестве Эрнста Кассирера, Мартина Хайдеггера, Ганса-Георга Гадамера, Людвиг Витгенштейна и др. Так рождается специфическая область философских исследований — философия языка или, в современных терминах, — лингвофилософия;

«при этом взаимное отталкивание классической метафизики и лингвистической философии в XX веке приводит к образованию своего рода пустого пространства в вопрошании о языке. Философия языка все более оформляется в школу со своим категориальным и методологическим аппаратом, который становится чуждым для ортодоксальной метафизики. Точно также и наследие философской классики остается для лингвофилософии скорее предметом критики — здесь создается явный разрыв в традиции» [Руденко, Прокопенко 1995, с. 125].

Ключевым достижением лингвофилософии стала постановка вопроса о бытийственном статусе языка, постановка в широчайшем диапазоне: от знаменитого максималистского хайдеггеровского «язык — это дом бытия» до бибихинского специфического:

«язык философии это не предмет и не тема исследования, это то, в чем мы хотим расслышать наш родной язык, заглушенный наружным шумом» [Бибихин 2002, с. 11].

Кийченко К.И. КОММУНИКАТИВНЫЙ ФРАГМЕНТ КАК ЕДИНИЦА ЛИНГВОФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В различных лингвистических подходах предметами исследования выступают специфические характеристики языка, которые становятся доминантными: у Ф. де Соссюра — системность, у И.А. Бодуэна де Куртенэ — структурность и иерархичность, у Г. Пауля — типологичность, у Н. Хомского язык предстает как трансформационно-порождающая грамматика. Все эти достижения лингвистов, разумеется, не могли не повлиять на развитие современной философской мысли, которая и раньше не оставляла данную проблематику в стороне, однако ее разработка не была в числе приоритетов большинства философов.

Наверно, оправданным будет сказать, что наибольший вклад в разработку языковых вопросов в рамках классической философии внесли труды Дж. Вико, Г. Лейбница, В. Гумбольдта. В них отчетливо видно, что философия стремится к универсальному языку (стремление, унаследованное от метафизики). Достижения философии стали мировоззренческими установками для лингвистов, однако в разработке конкретных вопросов языкознания они все дальше и дальше уходили от классического философского наследия. Само рождение лингвофилософии привело к разрыву с традицией. Лингвистика индивидуализирует язык, делая невозможным универсальное истинное, всем понятное высказывание. В целом этот поворот предопределил и развитие гуманитаристики, ее движение по пути индивидуализирующего, уникального и специфического знания.



Джамбаттиста Вико (Giambattista Vico, 1668—1744). Портрет из итальянского издания «Оснований новой науки о природе вещей», 1816



Готфрид Вильгельм Лейбниц (Gottfried Wilhelm Leibniz, 1646—1716). Портрет работы К.Ф. Франка, ок. 1700



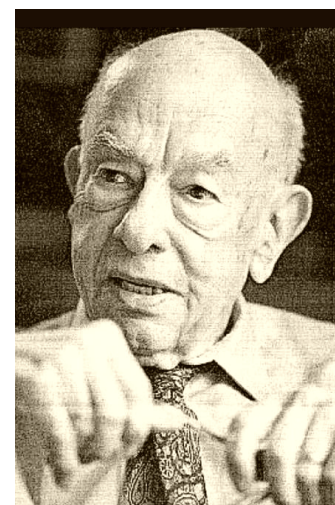
Вильгельм фон Гумбольдт (Friedrich Wilhelm Christian Karl Ferdinand Freiherr von Humboldt, 1767—1835). Гравюра Ф. Крюгера, 1830-е гг.



Мартин Хайдеггер (Martin Heidegger, 1889—1976)



Людвиг Витгенштейн (Ludwig Josef Johann Wittgenstein, 1889—1951)



Уиллард Куайн (Willard Van Orman Quine, 1908—2000), американский философ, логик и математик

Указанный разрыв с классикой привел к появлению двух параллельных традиций (стратегий) вопрошания о языке. Первую из них можно назвать «онтологической» (реалистической) восходящей еще к средневековой традиции, вторую — «логико-конструктивистской» (номиналистической). Разработка онтологической стратегии в первую очередь связана с именем Мартина Хайдеггера (язык как дом бытия).

Номиналистическая стратегия прежде всего реализовывалась в философствовании Людвиг Витгенштейна («вся философия — это критика речи» [Витгенштейн 2005, с. 88]) и Уилларда Куайна. Сходные идеи развивал неокантианец Эрнст Кассирер, чьи труды многими исследователями считаются предвестниками семиотического подхода:

«Кассирер обнаружил фундаментальную символичность языковых форм, связав язык с основополагающей способностью человека к символизации, наряду с наукой, мифом, искусством. Этот «кантианский» ответ на проблему языка и символа, во многом ознаменовал возможности трансцендентального решения поставленной проблемы» [Григорьев 2001, с. 230].

В целом реализация номиналистической стратегии (например, в рамках аналитической философии) приводит к фокусировке исследовательского внимания на структурно-грамматических аспектах языка. Наилучшим примером является трансформационно-порождающая грамматика Н.Хомского, искавшего пути для чисто количественного описания языка с задействованием аппарата математической и формальной логики.

Некоторые важнейшие положения номиналистического подхода можно вычленивать, опираясь на «Логико-философский трактат» Людвиг Витгенштейна.

1. Речь должна состоять только из не противоречащих законам логики высказываний. Законы логики фундаментальны и универсальны и язык подчинен им.

«Представить в речи нечто “противоречащее Логике” так же маловероятно, как представить в геометрии посредством ее координат фигуру, противоречащую законам пространства, или дать координаты точки, которой не существует» [Витгенштейн 2005, с. 56].

Кийченко К.И. КОММУНИКАТИВНЫЙ ФРАГМЕНТ КАК ЕДИНИЦА ЛИНГВОФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

2. Нарушение универсальных законов логического мышления приводит к тому, что «с легкостью возникает основательная путаница, которой наполнена вся философия» [Витгенштейн 2005, с. 75]. Источник этой «путаницы» заключен в неразграниченности в языке знаков и символов, и

«чтобы избежать этих заблуждений мы должны использовать некий знаковый язык, который исключал бы применение одинаковых Знаков по отношению к Разным Символам и не применял бы одинаково Знаки, обозначающие по-разному. Этот знаковый язык подчиняется логической грамматике — логическому синтаксису» [Витгенштейн 2005, с. 75].

3. Необходимость пользоваться особым знаковым языком подразумевает, что

«в логическом синтаксисе Значения Знаков не должны играть никакой роли; он должен предполагать лишь описания выражений, без всякого упоминания о Значении» [Витгенштейн 2005, с. 77].

Следовательно, по мысли Витгенштейна, в логическом синтаксисе имеет место лишь синтаксическая семантика, а семантика прагматическая места не имеет.

4. Данное понимание логического синтаксиса определяет постулат о принципиальной переводимости языков путем строгих дефиниций.

«Дефиниции — это правила перевода с одного языка на другой. Каждая корректная знаковая система должна быть переводима в любую другую в соответствии с этими правилами: и это и есть то, что все они имеют общим» [Витгенштейн 2005, с. 82].

Следовательно, уникальная, непереводаемая знаковая система не соответствующая «логической форме» не имеет смысла.

5. Отсюда вытекает специфическое понимание функций философии: она обязана указывать нам на правильное и неправильное употребление языка. Философия

«должна устанавливать границу мыслимому и тем самым немислимому. <...> Все, что вообще может быть помыслено, может быть помыслено ясно. Все, что возможно высказать, возможно высказать ясно» [Витгенштейн 2005, с. 106].

Этот последний тезис особенно важен для понимания «Логико-философского трактата»: предложение всегда либо истинно, либо ложно — третьего не дано. Вадим Руднев свидетельствует:

«Витгенштейн не видит причин для того, чтобы в том, что касается взаимоотношений между языком и Миром, оставались какие-то неясности. Это не значит, что обо всем можно говорить ясно. Правило другое: если об этом абсолютно точно невозможно сказать ясно, значит это из той области, о которой вообще нельзя сказать никак. То есть либо надо искать пути для ясности, либо оставить попытки передать при помощи семиотических средств то, что при помощи этих средств принципиально непередаваемо» (цит. по [Витгенштейн 2005, с. 106]).

Наибольшее значение разработка данных положений имела для оформления к 30-м годам XX века «стандартной концепции науки» в рамках позитивистской философии, где впервые были четко обозначены требования к языку научной теории. Максимально заформализованные требования к научному языку в рамках концепции стандартной науки (в первом ее варианте) могут быть выражены в следующих тезисах [Suppe 1974, p. 12–68]:

1. язык научной теории строится на базе исчисления предикатов первого порядка с равенством;
2. стандартной частью этого языка являются логические символы, а внелогические символы подразделяются на три группы: а) словарь логических постоянных, б) словарь наблюдений, в) теоретический словарь;
3. словарь наблюдений описывает непосредственно наблюдаемые объекты и их свойства;
4. существует набор теоретических постулатов, не использующих словарь языка наблюдений;
5. терминам теоретического словаря дается экспликация в терминах словаря наблюдения с помощью правил соответствия (см. [Огурцов 2008, с. 13]).

Таким образом мы видим, что язык науки полностью отмежевывается от языка этики, языка философии, обыденного языка, т.к. не допускает никаких ценностных и неverifiedируемых суждений. Концепция стандартной науки концентрируется на разработке максимально формализованного языка наблюдений и узкоспецифического языка теории. В целом эти изыскания определили поиски ценностно-нейтральной науки и подходящего языка описаний, о чем мы уже говорили в свое время в первой главе, обращаясь, например, к концепции науки, предложенной Хью Лэйси.

Кийченко К.И. КОММУНИКАТИВНЫЙ ФРАГМЕНТ КАК ЕДИНИЦА ЛИНГВОФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

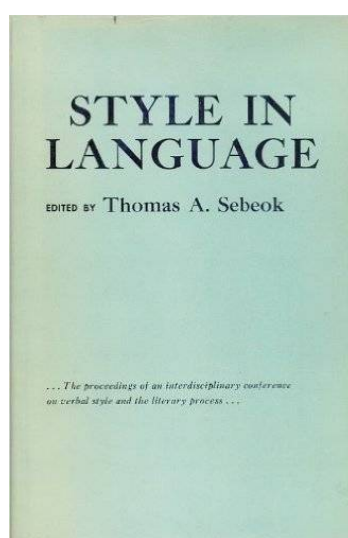
Такие поиски во многом опираются на наработки структуралистов. Например, Роман Якобсон выделял несколько функций языка:

1. эмотивная — функция выражения чувств и воли говорящего;
2. конативная (модальная) — вокативно-императивная;
3. референтная — функция обозначения предметов внешнего по отношению к сознанию мира;
4. метаязыковая — обеспечивающая возможность говорить о языке с помощью языка;
5. фатическая — функция установления контакта;
6. поэтическая (см. [Jakobson 1960, p. 353–357]).

По Р. Якобсону, поиски языка науки как раз и являются поисками метаязыка, т.е. языка описания «второго порядка», другими словами, языка, на котором возможно описание языка-объекта.



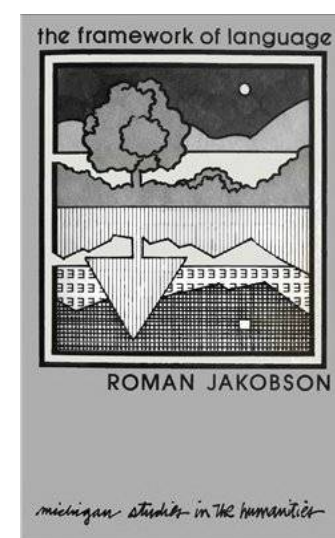
Роман Осипович Якобсон (Roman Jakobson, 1896–1982), российский и американский лингвист и литературовед



Обложка сборника «Стиль в языке» (Sebeok T.A., ed. *Style in Language*. Cambridge, MA: M.I.T. Press, 1960), в котором впервые была опубликована статья Р. Якобсона «Лингвистика и поэтика»)



Обложка немецкого издания «Очерков по лингвистике и поэтике» (*Aufsätze zur Linguistik und Poetik*. München, Nymphenburger Verlags-handlung, 1974)



Обложка труда «Рамки языка» (*The Framework of Language*. Michigan, Michigan Slavic Publications, 1980)

Именно поиски метаязыка гуманитарных наук обнажили сложность его формализации. В естественных науках и математике метаязык качественно отличается, т.к. состоит из формальных символов, кванторов, операторов и т.п. А в гуманитаристике в качестве метаязыка выступает все тот же естественный язык, различение языка-объекта и языка «второго порядка» становится на практике неразрешимой задачей, решение которой потребовало бы построения системы настолько строгой и сложной, что она вряд ли могла выступать операциональной. Поэтому многие лингвисты и философы по мере развития и совершенствования своих систем вынуждены были отказаться от «жестких» моделей языка в пользу более «мягких».

Например, в предшествующих рассуждениях мы отталкивались от взглядов Людвиг Витгенштейна, изложенных в «Логико-философском трактате». Однако, справедливости ради, необходимо оговориться, что ближе к концу жизни, в «Философских исследованиях» позиция Витгенштейна по ряду вопросов претерпела значительные трансформации (см., в частности, [Сорина 2015]) В первую очередь он уходит от чрезвычайного узкого понимания языка, свойственного «Логико-философскому трактату». Во-первых, Витгенштейн приходит к заключению,

«что основная масса предложений языка несводима к изъявительному наклонению, а стало быть, в принципе не может быть подвергнута верификации» [Руднев 2001, с. 29].

Во-вторых, доказывает нечто совсем не свойственное его ранним представлениям о языке. Витгенштейн развивает мысль о том, что язык является социальным явлением, хотя по-прежнему опровергает возможность существования «индивидуального языка». Однако, даже не смотря на существенную трансформацию взглядов в поздний период творчества, в своих лингвофилософских исследованиях Людвиг Витгенштейн все-таки не выходил за рамки номиналистической стратегии.

Качественно отличается реализация «онтологической» стратегии вопрошания о языке. Ей как раз наоборот свойственна попытка прорваться к тем пластам бытия, о которых нельзя ничего сказать с требуемой Витгенштейном степенью ясности и достоверности. Мартин Хайдеггер не стремился к исследованию структурно-грамматических аспектов, для него исключительно важно определение «качественных», «бытийственных» характеристик языка. Для него язык —

Кийченко К.И. КОММУНИКАТИВНЫЙ ФРАГМЕНТ КАК ЕДИНИЦА ЛИНГВОФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

живая, подвижная стихия, воплощенная в актах говорения. Онтологически язык — процесс (речь), а не только и не столько результат. Сам Хайдеггер пишет:

«В конце концов философское исследование должно однажды решиться спросить, какой способ бытия вообще присущ языку. Есть ли он внутримирно подручное средство или имеет бытийный образ присутствия либо ни то, ни другое? Какого рода бытие языка, если он может быть "мертвым"? <...> Случайно ли, что значения ближайшим образом и большей частью "мирны"», размечены значимостью мира, да даже часто по преимуществу "пространственны", или это "эмпирическое обстоятельство" экзистенциально-онтологически необходимо, и почему? Философскому исследованию придется отказаться от "философии языка", чтобы спрашивать о "самых вещах", и оно должно привести себя в состояние концептуально проясненной проблематики» [Хайдеггер 2003, с. 193—194].

Из данного фрагмента видно, что Мартину Хайдеггеру претит аристотелева мысль о языке как «орудии мысли»,

«...орудие предполагает изготовленность, завершенность, а язык по своей сути незавершен и открыт» [Григорьев 2001, с. 231].

Переместив вопрос о языке в онтологическую плоскость, Мартин Хайдеггер во многом предопределил основной вектор развития философско-лингвистических поисков в XX веке. Так или иначе, наше вопрошание о языке в конечном счете стало сводиться к вопрошанию о его бытийственном (онтологическом) статусе, что нашло отражение в «гипотезе лингвистической относительности», семиотике, лингвистике языкового существования и теории речевой деятельности.

На основе двух обозначенных подходов могут быть сформулированы крайние, предельные оппозиции в подходах к осмыслению проблем языка.

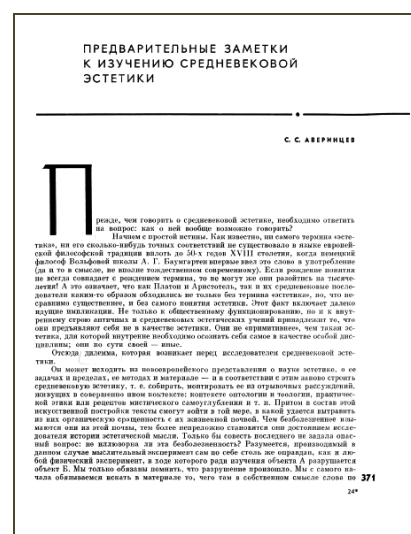
Первая позиция описывает язык как универсальную знаковую систему, ясную и понятную для любого конкретного языка. Любой конкретный язык рассматривается только как частное воплощение универсального (всеобщего языка). Язык в данном случае является сферой чистого смысла, существующей в «метаязыковом пространстве как единое и неделимое целое для всех разновидностей этнических языков» [Григорьев 2001, с. 239].

Вторая позиция стремится к лингвистическому солипсизму и описывает язык как конкретно этническое явление. Отсюда вытекает постулат о принципиальной непереводаемости языков. Меняя знаковую систему, мы трансформируем сферу смыслов: одни оказываются привнесенными (не существующими в исходном языке), другие — утраченными (не существующими в языке, на который осуществляется перевод).

Однако постулирование «закрытости» языка вовсе не означает отсутствие возможности существования всеобщего знания. Например, философского. Сергей Аверинцев предельно точно выразил квинтэссенцию разбираемого нами принципа в виде тезиса и антитезиса:

Тезис. Все дело философии сводится к всестороннему эксплицированию импликаций, заложенных в языке данной культуры (причем слово «язык» нужно понимать в буквальном "лингвистическом" смысле, но также и во всех расширительных "семиотически?" смыслех — как язык форм культуры). Чем более адекватно мыслитель подходит к символике своего языка, чем более помогает ей разворачивать собственные потенции, тем выше его ранг как мыслителя, тем органичнее его мышление. Поэтому всякий подлинно философский текст принципиально закрыт для перевода.

Антитезис. Все существенное в истории философии как таковой (в отличие от истории интеллектуального быта) происходит в принципе по ту сторону различий в языке и культурных формах. Критерием для отличения собственно-философского от философского в несобственном смысле должна служить как раз свобода от языковых внушений. Поэтому всякий подлинно философский текст безразличен к языковым и культурным реалиям и принципиально открыт для любого перевода» [Аверинцев 1975, с. 374].



Слева — Сергей Сергеевич Аверинцев (1937—2004), филолог, культуролог, историк культуры, философ. Академик РАН (с 2003).

Справа — первая страница статьи «Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики» [Аверинцев 1975].

Кийченко К.И. КОММУНИКАТИВНЫЙ ФРАГМЕНТ КАК ЕДИНИЦА ЛИНГВОФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

группы есть не что иное как продукт культуры, с другой стороны, сама культура и присущий ей набор ценностей и смыслов кодифицируется языком.

3. Любой естественный язык всего лишь «отражает привычки» социальной группы или этноса, следовательно не может являться средством выражения абсолютных истин. Язык социален и локален, не может рассматриваться как универсальная знаковая система, принимаемая и используемая человечеством.

4. Каждый конкретный язык творит уникальную картину мира. Более того, делит мир на миры, а не интегрирует его, пронизывая универсальными смыслами. Носитель языка, благодаря структуре и семантическим особенностям последнего, воспринимает определенное отношение к миру, видит мир таким, каким диктует ему язык, принимает картину мира, сформированную родным языком.

Этот последний постулат обуславливает то, как Сепир усматривает взаимосвязь между языком и образом мышления. Эту связь он видит в совокупности психологии и языка. Вещи внешнего мира, которые видит человек, им же и называются, а специфика наименования вещей мира формирует специфику культуры, ее смысловой и ценностный стержень. Важным для понимания гипотезы лингвистической относительности является тот факт, что язык определенного народа хранит в себе систему ценностей, формирует способность людей иметь сходную форму мышления и поведения, воспринимать мир в соответствии с ценностями и опытом, накопленными предшествующими поколениями. Это значит, что язык не только и не просто инструмент суждения о мире, он — память. Причем память коллективно-историческая, а не лично-индивидуальная.

Значительный вклад в разработку и конкретизацию вышеозначенных положений внес ученик Эдварда Сепира Бенджамен Ли Уорф. Будучи блестящим грамматистом, Уорф пытался отыскать ту детерминанту в структуре языка через интерпретацию которой возможно его толкование. По мысли Уорфа каркас языка — это грамматика. Грамматика организует язык, посредством языка мы упорядочиваем явления внешней по отношению к нашему сознанию действительности. Языковая стихия — не хаос и разгул свободы, как может некоторым показаться, но внутренне логичная система. Ее ключевая особенность в том, что она конвенциональна, язык — это молчаливая договоренность социальной группы о смысле и содержании понятий. Это делает возможным понимание людей друг другом. В свою очередь грамматические структуры определяют правила построения высказывания. Высказывание, построенное по этим правилам, может быть понято и расшифровано. В одной из своих главных работ «Наука и языкознание» Уорф пишет:

«Грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их синтеза. Формирование мыслей — это не независимый процесс, строго рациональный в старом смысле этого слова, но часть грамматики того или иного языка... <...> Мы расчленим природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. <...> Мы расчленим мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы — участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию» [Уорф 2003, с. 209].

Разумеется, описываемая Уорфом конвенция внерациональна и не осознается участниками языковой группы, она присуща им априори:

«...соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка. Это соглашение, разумеется, никак и никем не сформулировано и лишь подразумевается, и тем не менее мы — участники этого соглашения» [Уорф 2003, с. 209].

Принципиально важно отметить, что конвенциональная трактовка моделей языка в концепции Уорфа приводит к специфическому пониманию свободы человеческого мышления, а если говорить шире, к пониманию свободы в принципе:

«... никто не волен описывать природу абсолютно независимо, но все мы связаны с определенными способами интерпретации даже тогда, когда считаем себя наиболее свободными» [Уорф 2003, с. 210].

Данное замечание принципиально, т.к. на самом деле речь идет не только об описании «природы», но о невозможности непредвзятого отношения к «другому», тем более к тому, кто является «чужим» по отношению к данной культуре и языковой группе. Язык членит, маркирует и окрашивает не только мир природных явлений, но и мир социальный, а также каждую крупицу нашей повседневной жизни, все ее практики. Мир тотально опосредован языком. Мышление и суждение о мире без языка невозможны, ибо даже чувства в процессе внутреннего говорения (речи) человек трансформирует в монологическое высказывание.

Таким образом, гипотеза лингвистической относительности рассматривает язык как феномен культуры отдельного языкового коллектива, который определенным образом концептуализирует действительность. Однако, необходимо признать, сыграв огромную роль в культуре XX века, гипотеза лингвистической относительности в силу непроработанности ряда положений не получила должного признания в академической лингвистике, зато куда более значительным оказа-

Кийченко К.И. КОММУНИКАТИВНЫЙ ФРАГМЕНТ КАК ЕДИНИЦА ЛИНГВОФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

лось ее влияние на смежные отрасли знания: аналитическую философию, междисциплинарные культурологические исследования и т.п.

Сама по себе представляя частный случай онтологического подхода к вопрошанию о статусе языка, гипотеза Сепира-Уорфа тем не менее задала сразу несколько векторов для дальнейшего развития лингвофилософских исследований. Речь идет в первую очередь о семиотике и лингвистике языкового существования. В рамках первой максимально заострилась проблематика расшифровки смысла высказывания и возможности межъязыковой коммуникации, в рамках второй — исследования говорения как особого вида деятельности (речевой деятельности).

Обозначенные выше концепции, в том числе гипотеза лингвистической относительности, выявили существенные недостатки и упрощения в представлениях о языке как о неизменной логической структуре [Кийченко 2014]. Лингвистика языкового существования, восходящая к трудам Бориса Гаспарова, в первую очередь разрабатывалась как попытка преодоления установок структурализма. Основное положение лингвистики языкового существования заключено в установке на исследование языка как некоей подвижной стихии, которую невозможно зафиксировать и описать в четких логических структурах. Следовательно, был необходим поиск новых способов исследования языка, новый способ вопрошания о языке. Развивая (как и Сепир с Уорфом) некую преемственность по отношению к теории Вильгельма фон Гумбольдта Борис Гаспаров формулирует основные задачи исследования языка. Он стремится развивать

«такой подход к языку, при котором на первый план в качестве первичного объекта изучения, выступил бы бесконечный и нерасчлененный поток языковых действий и связанных с ними мыслительных усилий, представлений, воспоминаний, переживаний» [Гаспаров 1996, с. 5].

Главное при данном подходе – понимание языка как особой среды, в которой мы существуем:

«Язык окружает наше бытие как сплошная Среда, вне которой и без участия которой ничто не может произойти в нашей жизни. Однако эта Среда не существует вне нас как объективированная данность; она находится в нас самих, в нашем сознании, в нашей памяти, изменяя свои очертания с каждым движением мысли, каждым проявлением нашей личности» [Гаспаров 1996, с. 5].

Важнейшее отличие выдвигаемой Гаспаровым теории от взглядов структуралистов состоит еще и во взгляде на природу высказывания. Структуралисты полагали, что языковой фундамент составляют грамматические правила, правила эти усваиваются человеком во время овладения навыками говорения и в дальнейшем высказывания порождаются им в соответствии с этими усвоенными ранее правилами. Гаспаров такую точку зрения на порождение высказывания называет «репродуктивной» и противопоставляет ей свою, которую называет «операционной». Сущность операционной модели порождения высказывания в том, что мы не апеллируем всякий раз к правилам, а пользуемся готовыми речевыми блоками, словосочетаниями, цитатами и т.п. Таким образом у Гаспарова практически упраздняется важнейшее для структуралистов (Ф. де Соссюра, Р.О. Якобсона) разграничение языка и речи и появляется новое явление — речевая деятельность, в которой существование языка не отделимо от высказывания. Более того,

«основой владения языком, обеспечивающей говорящим успешное обращение с ним, признается не языковая рефлексия, но языковая память» [Гаспаров 1996, с. 117], —

и далее:

«вся наша языковая деятельность — и создаваемая, и воспринимаемая нами речь — пронизана блоками-цитатами из предшествующего языкового опыта» [Гаспаров 1996, с. 119].

Речевая деятельность — это сращение, сшивание (в терминах Гаспарова) нескольких коммуникативных фрагментов. Коммуникативный фрагмент — специфическое понятие лингвистики языкового существования, трансуровневая языковая единица:

«Коммуникативные фрагменты — это отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний. Коммуникативный фрагмент — это целостный отрезок речи, который говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей речевой деятельности и который он непосредственно опознает как целое в высказываниях, поступающих к нему извне» [Гаспаров 1996, с. 118].

Однако само по себе наличие в нашей памяти бесчисленного множества коммуникативных фрагментов еще не означает автоматического порождения целостного с точки зрения смысла высказывания. Чтобы речь говорящего обрела целостность и ясность, коммуникативные фрагменты должны быть каким-либо образом соединены:

«Задача говорящих состоит в том, чтобы “подогнать” друг к другу эти готовые куски [коммуникативные фраг-

Кийченко К.И. КОММУНИКАТИВНЫЙ ФРАГМЕНТ КАК ЕДИНИЦА ЛИНГВОФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

менты — К.К.] таким образом, чтобы получившееся целое производило такое же ощущение правильности и осмысленности, как и составившие его готовые компоненты; то есть чтобы это целое, хотя и созданное впервые, достаточно убедительно возникало из сращений знакомого и понятного языкового материала и в силу этого достаточно ясно "узнавалось" бы в качестве целостного образования. <...> Техника слияния известных говорящему фрагментов позволяет производить бесчисленные импровизированные действия над конкретным языковым материалом, не прибегая к абстрактным правилам построения и при этом добиваясь приемлемых результатов» [Гаспаров 1996, с. 167–168].

Таким образом, для лингвистики языкового существования становится важным введение еще одного понятия — «коммуникативный шов».

«В условиях языкового существования важнейшим приемом создания более обширных речевых образований служит не соединение, но сращение, или "сшивание" исходных компонентов языкового материала. Мы будем называть то место в высказывании, по которому проходит такое сращение, речевым швом. Речевому шву принадлежит критически важная роль в превращении готовых, отложившихся в памяти кусков речи в новое целое, впервые создаваемое в данный момент, в данной ситуации речевой деятельности. Успех каждого речевого акта во многом определяется тем, насколько удачно подобраны составляющие коммуникативные фрагменты и найдены приемы наложения швов, приводящие к их срастанию» [Гаспаров 1996, с. 169].

Сама возможность сшивания коммуникативных фрагментов в единое целое обеспечивается их особыми свойствами:

«"Рыхлость" границ фрагмента, способность его пластично изменять очертания создает предпосылку для тех срастаний и растворов, которые происходят с ним в высказывании» [Гаспаров 1996, с. 169].

Представляется, что Борис Гаспаров ближе многих лингвистов подошел к пониманию (именно к пониманию, а не объяснению!) механизмов порождения речи. Думается, лингвистика языкового существования — очень перспективное направление в лингвофилософии и многие ее установки могут успешно развиваться и имеют большое практическое значение для всестороннего изучения феномена текста, являющегося письменным инвариантом речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М.: Наука, 1975. С. 371–397.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
3. Бибихин В.В. Язык философии. М.: Языки славянской культуры, 2002.
4. Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005.
5. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
6. Григорьев А.А. Между философией и лингвистикой: локус концепта // Постигание культуры. Вып. 11. М.: Рос. ин-т культурологии, 2001. С. 224–246.
7. Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития. // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 307–323.
8. Кийченко К.И. Эвристическое значение гипотезы лингвистической относительности в современной гуманитаристике // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 4 (208). С. 142–151.
9. Огурцов А.П. Страстные споры о ценностно-нейтральной науке // Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? М.: Логос, 2008. С. 8–34.
10. Руденко Д.И., Прокопенко В.В. Философия языка: путь к новой эпистеме // Язык и наука конца XX века. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 118–143.
11. Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. М.: Аграф, 2001.
12. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Языки как образ мира. Антология. М. — СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2003. С. 127–138.
13. Сорина Г.В. Коммуникативное пространство психологизма и антипсихологизма (на примере философии Л. Витгенштейна — раннего и позднего) // Пространство и Время. 2015. № 3(21). С. 51–60.
14. Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Языки как образ мира. Антология. М. — СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2003. С. 202–219.

Кийченко К.И. КОММУНИКАТИВНЫЙ ФРАГМЕНТ КАК ЕДИНИЦА ЛИНГВОФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

15. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 2003.
16. Humboldt W. "Über die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues." *Werke*. Hrsg. A. Flitner und K. Giel. Darmstadt, 1963, Band 3.
17. Jakobson R. "Linguistics and Poetics." *Style in Language*. Ed. T.A. Sebeok. Cambridge, MA: M.I.T. Press, 1960, pp. 350–377.
18. Quine W.V.O. "Ontological Relativity." *Journal of Philosophy* LXV.7 (1968): 185–212.
19. Suppe F. "The Search for Philosophic Understanding of Scientific Theories." *The Structure of Scientific Theories* Ed. F. Suppe. Urbana and Chicago, IL: University of Illinois Press, 1974, pp. 3–241.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Кийченко, К. И. Коммуникативный фрагмент как единица лингвофилософского исследования [Электронный ресурс] / К.И. Кийченко // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2015. — Т. 10. — Вып. 1: Пространство и время текста. — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_r_e-ast10-1.2015.32.

COMMUNICATIVE FRAGMENT AS TAXON IN PHILOSOPHY OF LANGUAGE RESEARCH

Kirill I. Keychenko, M.Hum., Scientific Researcher at the Chair of Philosophy of Politics and Law, Philosophical Department of Lomonosov Moscow State University
E-mail: philos@inbox.ru

'Linguistic Turn' in modern philosophy and linguistics development led to the formation of a common subject field. This required the systematization accumulated knowledge and clarification of certain definitions taking into account the studies of both Western and Russian scholars.

My article represents a brief sketch of key provisions of modern linguistic philosophy and raising the question of ontological status of language in the framework of the hypothesis of linguistic relativity. Accordingly, the subject of my study is phenomenon of the 'atomic' communicative fragment as the primary unit of study in the philosophy of language. My research methodology is based on linguistic and philosophical paradigm and comparative analysis of conceptual approaches to development of these issues.

In my article, I pay main attention to Wilhelm von Humboldt's, Ludwig von Wittgenstein's, Edward Sapir's, Benjamin Whorf's, Willard Quine's, Roman Jakobson's, and Boris Gasparov's speech classification and approaches to text functions. I consider mechanisms of speech production as the flow of communication pieces. In this context, I study the phenomenon of the text as written form of speech. I consider communicative fragment as trans-level language unit (taxon). From this perspective, speech activity is 'stitching' together several communicative fragments.

I conclude it was Boris Gasparov who came to understanding (exactly to understanding, not explain) mechanisms of speech production closest than many other linguists. My conclusion on the whole is follows: linguistics of language existence is very promising direction for a comprehensive study of the phenomenon of text as a written invariant of speech.

Keywords: philosophy of text, communicative fragment, hypothesis of linguistic relativity, humanities, types of rationality, non-classical science, value approach to knowledge, linguistic philosophy, Ludwig von Wittgenstein, Boris Gasparov.

References:

1. Averintsev S.S. "Preliminary Notes to the Study of Medieval Aesthetics." *Medieval Russian Art: Foreign Relations*. Moscow: Nauka Publisher, 1975, pp. 371–397. (In Russian).
2. Benveniste E. *General Linguistics*. Moscow: Progress Publisher, 1974. (In Russian).
3. Bibikhin V.V. *The Language of Philosophy*. Moscow: Yazyki slavyznskoy kultury Publisher, 2002. (In Russian).
4. Gasparov B.M. *Language, Memory, Image. Linguistics of Language Existence*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publisher, 1996. (In Russian).
5. Grigoriev A.A. "Between Philosophy and Linguistics: Locus Concept." *Comprehension of Culture*. Moscow: Russian Institute for Cultural Studies Publisher, 2001, volume 11, pp. 224–246. (In Russian).

Кийченко К.И. КОММУНИКАТИВНЫЙ ФРАГМЕНТ КАК ЕДИНИЦА ЛИНГВОФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

6. Heidegger M. *Being and Time*. Moscow: Ad Marginem Publisher, 2003. (In Russian).
7. Humboldt W. "About the Comparative Study of Languages in Relation to Different Periods of Their Development." *Selected Writings on Linguistic Research*. Moscow: Progress Publisher, 1984, pp. 307–323. (In Russian).
8. Humboldt W. "Über die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues." *Werke*. Hrsg. A. Flitner und K. Giel. Darmstadt, 1963, Band 3.
9. Jakobson R. "Linguistics and Poetics." *Style in Language*. Ed. T.A. Sebeok. Cambridge, MA: M.I.T. Press, 1960, pp. 350–377.
10. Keychenko K. "Heuristic Value of the Hypothesis of Linguistic Relativity in Modern Humanities." *Scientific Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Series Humanities and Social Sciences* 4 (2014): 142–150. (In Russian).
11. Ogurtsov A.P. "Passionate Debate about the Value-Neutral Science." *Is Science Value Free?: Values and Scientific Understanding* by H. Lacey. Moscow: Logos Publisher, 2008, pp. 8–34. (In Russian).
12. Quine W.V.O. "Ontological Relativity." *Journal of Philosophy* LXV.7 (1968): 185–212.
13. Rudenko D.I. "Philosophy of Language: Path Towards New Episteme." *Late Twentieth-century Language and Science*. Moscow: Russian State Humanitarian University Publisher, 1995, pp. 118–143. (In Russian).
14. Rudnev V. *Encyclopedic Dictionary of Twentieth-century Culture*. Moscow: Agraf Publisher, 2001. (In Russian).
15. Sapir E. "The Status of Linguistics as a Science." *Languages as Image of the World*. Moscow and St. Petersburg: AST Publisher, Terra Fantastica Publisher, 2003, pp. 127–138. (In Russian).
16. Sorina G.V. "Communicative Space of Psychologism and Anti-psychologism (Case Study of Ludwig Wittgenstein's Philosophy, Early and Late)." *Prostranstvo i Vremya [Space and Time]* 3 (2015): 51–60. (In Russian).
17. Suppe F. "The Search for Philosophic Understanding of Scientific Theories." *The Structure of Scientific Theories* Ed. F. Suppe. Urbana and Chicago, IL: University of Illinois Press, 1974, pp. 3–241.
18. Whorf B.L. "Science and Linguistics." *Languages as Image of the World*. Moscow and St. Petersburg: AST Publisher, Terra Fantastica Publisher, 2003, pp. 202–219. (In Russian).
19. Wittgenstein L. *Selected Writings*. Moscow: Territoriya budushchego Publisher, 2005. (In Russian).

Cite MLA 7:

Keychenko, K. I. "Communicative Fragment as Taxon in Philosophy of Language Research." *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya: 'Prostranstvo i vremya teksta'* [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time: Space and Time of Text] 10.1 (2015). Web. <2227-9490e-aprov_r_e-ast10-1.2015.32>. (In Russian).